
Леонов В.П.

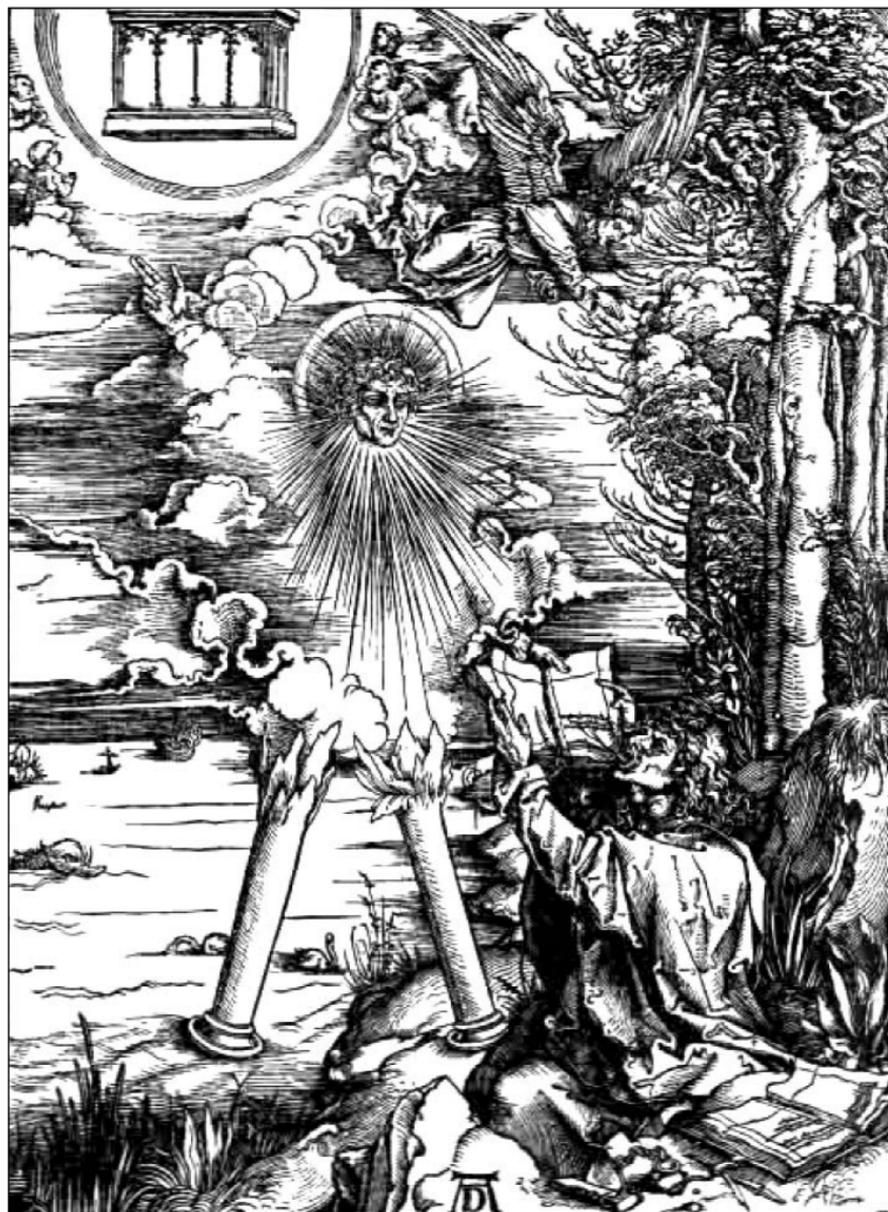
Книга как космический субъект

*«Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится».*

О.Э. Мандельштам. «К немецкой речи»

Предлагаемая статья – результат многолетних философских раздумий автора – директора БАН РАН, доктора педагогических наук В.П. Леонова о феномене книги, как неотъемлемой части Вселенной, ее сущности и секретах воздействия, о существовании объективно в пространстве и во времени мира книг (знаний), о человеке, как продукте особой книжной культуры.

В сентябре 2005 года в Швейцарии проходил XXIV colloquium Международной ассоциации библиофилов. В культурную программу colloquium входило, в частности, посещение Музея искусств в Базеле. Там и состоялась моя первая встреча с иллюстрациями Апокалипсиса в станковой гравюрной серии Альбрехта Дюрера (1471-1528). Одна из них, выполненная в 1498 году, буквально поразила меня, т.к. я не видел до сих пор ничего подобного. На гравюре А. Дюрер изобразил святого Иоанна Богослова, поедающего книгу. Я тут же попросил сделать копию и счастливый возвратился домой.

Уже в БАН научный сотрудник Отдела рукописей В.Г. Подковырова показала мне книгу Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского (1). По синодальному изданию Библии этот текст приведен в книге Нового Завета (разд. «Откровения Святого Иоанна Богослова», гл.10, строфы 8-11). Привожу его:

8. *«И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдя, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле.*
9. *И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед.*
10. *И взял я книжку из руки Ангела и съел её; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало в чреве моем;*
11. *И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».*

Есть над чем задуматься, правда, читатель, особенно, если, глядя на гравюру А. Дюрера, читаешь толкование ее, а сам думаешь и пишешь о книге как космическом субъекте?

После творения А. Дюрера все другое смотреть невозможно. Хочется унести его в себе. Назову еще одну картину с монограммой «АД» – «Христос среди книжников», написанную мастером всего за пять (!) дней. Прекрасный юноша зажат толпою злобных старых уродов с толстыми фолиантами в руках. Переплеты книг словно отталкивают от себя этих страшных владельцев, а юноша глядится в одну из раскрытых книг, как в зеркало, и она освещает его лицо. Это апология Книге как символу добра и разума, как воплощению правды...

Последние лет пятнадцать я постоянно обращаюсь к проблеме, которая меня волнует, и которую до сих пор я не решался ставить публично. Были на то разные причины. Суть ее такова.

Книга... Мы рассуждаем о ней, имея в виду некую данность, созданную давным-давно человеком. Мы говорим: человек без книги жить не может. Мы изучаем ее формы, функции, назначение на разных этапах развития общества. Мы исследуем ее влия-

ние на формирование человека, его поведение. Нас тревожит будущее книги в эпоху электронных коммуникаций, тревожит будущее библиотек. Сколько было выдвинуто гипотез, теорий относительно книги, её сущности и секретов воздействия! Все это так и все это очень важно. Однако главная тема не потеряла, по крайней мере, для меня, своей актуальности. Попытаюсь ее сформулировать.

Книга. Что это? Это случайность в мире или необходимый элемент универсума? Возникла ли она, как и человек, «случайно», или у человека и книги есть специальное предназначение, предусмотренное законами Вселенной? Если положительно ответить на первую часть вопроса, т.е. «случайно», то и человек, и его постоянный спутник книга являются только пассивными наблюдателями внешнего мира. Тогда судьба книги непредсказуема, ее легко повернуть в любую сторону и человек примет это как неизбежное.

А если нет? Если человек и книга – неотъемлемая часть Вселенной? Тогда это должно означать, что они порождены ею, как и все другое на Земле. Значит, они могут и обязаны влиять на процессы, протекающие во Вселенной? Человек и книга, как это странно не прозвучит, представляют собой космические субъекты. *Книга как космический субъект!* Следовательно, она бессмертна!

Не скрою, что подобные мысли возникли у меня после изучения работ психолога и антрополога Владимира Лефевра (2).

Сделаем паузу. Остановимся на некоторое время и обратимся к литературе.

Есть у Владимира Набокова (1899-1977) один необычный рассказ – «Ultima Thule», написанный по-русски в Париже в 1939 году (3) *. Набоков изобразил в нем человека по имени Адам Ильич Фальтер, который каким-то непостижимым образом получил знание истины извне, из внешнего мира. Другими словами, это знание, которое су-

* «Ultima Thule» (лат.) переводится как «дальняя Фула», мифическая страна на севере Европы. В переносном смысле – «крайний предел». В смысле «крайний предел» мне заглавие рассказа представляется наиболее точно отвечающим содержанию.

ществует объективно, но получено Фальтером индивидуально и случайно. Организм Фальтера оказывается не в состоянии удержать его в себе, и он погибает от избытка знания (крайний предел!). Рассказ стоит того, чтобы привести некоторые отрывки.

«Когда мне надоела уверять себя, – вспоминает герой рассказа художник Синеусов, – что он полоумный, я вижу в нем человека, который... который... потому что его не убила бомба истины, разорвавшаяся в нем... вышел в боги!.. он то вне нас...

...Я с завистью думаю, что, обладай я крепостью его нервов, упругостью души, сгущенностью воли, он бы теперь мне передал сущность нечеловеческого открытия, сделанного недавно им, то есть не боялся бы, что его сообщение меня раздавит; я же со своей стороны был бы достаточно упорен, чтобы заставить его все сказать до конца...

...Видите ли, – отвечал Фальтер,... Я выжил; может быть, выжил бы и другой на моем месте... Удивление же, доведенное до потрясающих, невообразимых размеров, – продолжал Фальтер, – может подействовать крайне болезненно, и все же оно ничто в сравнении с самим ударом истины... Она меня не убила случайно – столь же случайно, как грянула в меня... Что же вы скажете об истине, которая заключает в себе объяснение и доказательство всех возможных мысленных утверждений?.. Я получил ключ решительно ко всем дверям и шкатулкам в мире... Я только говорю, что знаю все, что мог бы узнать. То же может сказать всякий, просмотрев энциклопедию, не правда ли, но только энциклопедия, точное заглавие которой я узнал (вот, кстати, даю вам более изящный термин: я знаю заглавие вещей), действительно всеобъемлющая, – и вот в этом разница между мною и самым сведущим человеком... итак, то главное во мне, что соответствует главному в мире, не подлежит телесному трепету, который меня так разбил. Вместе с тем возможное знание всех вещей, вытекающее из знания главной, не располагает во мне достаточно прочным аппаратом. Я усилием воли приучаю себя не выходить из клетки, держаться правил вашего мышления...

...В первое время мне казалось, что можно попробовать... поделиться. Взрослый человек, если только он не такой бык, как я, не выдерживает, допустим, но, думалось мне, нельзя ли воспитать новое поколение знающих, то есть не обратиться ли к детям... Но на самом деле что же бы получилось?.. Если тайна моя не всегда бьет матерого сапиенса, то никакого юноши она, конечно, не пощадит... словом, довериться мне некому.

...Вчера... я (Синеусов) получил от него (Фальтера) самого записку – из госпиталя: четко пишет, что во вторник умрет... И что на прощание решается мне сообщить, что – тут следуют две строчки, старательно и как бы иронически вымаранные...».

Вот такой удивительный рассказ. Где же выход и есть ли он? Можно ли удержать знание и сохранить жизнь человека? В рассказе В. Набокова выхода нет. Следовательно, и нет ответа. Мир истинного знания помещен автором внутрь конкретного субъекта. Его психика не в состоянии вместить весь объем знания, и человек обречен на неизбежную гибель. А может ли такое знание существовать автономно, вне субъекта? Замечу, что знание Фальтера не есть знание обо всем одновременно. По структуре своей оно представляет гигантскую энциклопедию, или словарь, где содержатся правильные ответы на правильно поставленные вопросы. Таким образом, *знание*, у Набокова, *есть ответ на незаданный вопрос*. Фальтер не знает их все наизусть и заранее, но при правильном вопросе мгновенно находит нужный ответ (4).

Выход, несмотря на трагический конец рассказа, есть. Набоков вплотную подвел читателя к заключению, что вместилищем автономного мирового знания может быть другой носитель, постоянный спутник человека. Таковым является книга, множество книг, библиотеки. Только общаясь с книгой, субъект в состоянии познавать себя и окружающий мир. Его физическому существованию не угрожает увеличивающийся объем мирового знания, более того, благодаря книге общение со знанием дает возможность субъекту делать каждый раз новые открытия.

Значит, человек есть единственное существо на Земле, которое изобрело общественные хранилища информации, аккумулируе-

мые вне его мозга, – книги и библиотеки, – преодолев тем самым ограниченные антропометрические параметры собственного индивидуального сознания.

Обратимся к книге американского физика Карла Сагана (1934–1996) «Космос» (5):

«Когда наши гены, – пишет он, – не смогли вместить всю информацию, необходимую для выживания, мы постепенно обрели мозг. Но потом – предположительно около десяти тысяч лет назад – пришло время, когда нам понадобилось знать больше, чем мог без труда вместить наш разум. Поэтому мы научились запасать огромное количество информации вне нашего тела» (С. 409-410).

С появлением книги К. Саган связывает решение проблемы сохранения и передачи знания во времени и пространстве:

«Один взгляд на них (книги – В.Л.) – и вы слышите голос другого человека, возможно умершего тысячи лет назад. Через тысячелетия речь автора, отчетливая и безмолвная, возникает в нашей голове, обращенная лично к нам... Книги разбивают кандалы времени, доказывая, что люди способны на волшебство... Книги позволяют нам путешествовать во времени, сохраняя мудрость предков. Библиотека связывает нас с догадками и знанием, которые когда-то в муках отвоевали у природы величайшие умы человечества, с лучшими учителями за всю историю нашей планеты...» (С. 410, 412).

Позволю себе нетривиальное предположение: я допускаю, что в психику человека изначально заложена некая схема книги, в которой уже отражены законы природы. Для доказательства обратимся к литературе. Так, в исследованиях отечественного психолога Н.И. Жинкина (1893-1979) приведено описание особого языка интеллекта, названного им универсальным предметным кодом. Код этот имеет принципиально невербальную природу и представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отображения действительности в сознании человека. Он интернационален и универсален, т.к. не зависит от знания языка и оперирует только смыслами. Вместе с тем, он является несловесным коммуникативным образованием, способным служить импульсом к общению.

Движение от мысли к слову начинается с работы этого несловесного коммуникативного образования (6; 7, с. 3-12).

Удивительно и то, что идея «предметной» коммуникации, задолго до Н.И. Жинкина, описана Дж. Свифтом (1667-1745) в фантастическом Путешествии Гулливера в Лапуту (8). Свифт рассказывает об удивительных людях, которые решили обходиться без языка и вели беседу не с помощью слов, а с помощью самих предметов:

«...мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвященном вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылался главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля, согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее, многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что, в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы, собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто

случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свою утварь, помогали друг другу вваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что ее употребление легко может быть понято. Таким образом, посланники без труда могут говорить с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно неизвестен» (С. 374-376).

Субъективный внутренний мир человека недоступен непосредственному наблюдению. Если ментальная среда объективно ненаблюдаема, то как, каким образом, можно получить о ней объективную информацию? Ответ только один: посредством прочтения (расшифровки) генетического кода человека, т.е. прочтения, кроме биологической, психологической информации, изначально заложенной в его сознании. В этом смысле в изучении человека «книговедческие» пути отличаются от путей, которыми следуют биологические науки.

Будем исходить из того, что книжный мир существует вне меня, и я могу только с той или иной достоверностью подключиться к нему. Следовательно, книжник должен уметь почувствовать книгу, интуитивно ее угадать. В процессе такой умственной работы может появиться новый тип библиографа или библиотекаря, который по своей идеологии, по эстетическим и научным критериям будет похож на ученого-теоретика.

Задача книговедения – выделить в процессе эволюции книги то, что объединяет разные народы и культуры, их взаимосвязь. Разгадка может быть в происхождении книги от общего корня, общих предков. То, что я имею в виду, есть некий аналог теории вакуума в физике. Вакуум, как известно, сложная вещь, он имеет сложную структуру, но для многих он – пустота. Но на уровне «вакуума» все главное, видимо, и происходит, но еще не принимается во внимание учеными.

Что есть «вакуум» в изучении книги? Это знание, неотчужденное от человека, невербальное или личностное знание. Книга представляет собой форму закрепления и представления личностного знания. Это напоминает, если обратиться к примерам, действие последнего кадра из фильма Андрея Тарковского (1932–1986) «Солярис»: отлет камеры от очень крупного плана до самого общего, когда изображение (читай – книгу) видишь как малую часть общего мира, когда испытываешь чувство выхода из обжитой ситуации в *другое* пространство.

...Итак, если книга есть космический субъект, то какова ее миссия во Вселенной? Думаю, что влиять на сознание человека, способствовать развитию его мышления. Тогда зачем, с какой целью? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории изучения человека, т.е. к антропогенезу. Источники свидетельствуют, что еще в начале XIX в. определились три подхода к человеку: 1) как к биологическому виду; 2) как к носителю мирового разума; 3) как к субъекту социальных отношений (9).

Среди этих трех подходов одним из наиболее популярных в науке считается подход, согласно которому человек является носителем разума во Вселенной и смысл его существования состоит в *рационализации материи*. Ее можно представить и в виде человеческого мозга, и в виде «лемовского Соляриса – мыслящего океана», и в виде упорядоченных электронных библиотек, интернетовских сайтов и т.п.

Первый шаг в изучении человека как носителя мирового разума связан с именем Карла Бэра (1792–1876), выдающегося естествоиспытателя и директора иностранного отделения Библиотеки

Академии наук (1835-1862). Еще будучи в Кенигсберге, в январе 1834 г. в Физико-экономическом обществе он сделал доклад «Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии» (10). Развитие неживой и живой природы, человека и общества было включено Бэр в единый процесс космической истории. Человек интересовал его прежде всего как носитель разума. Возникновение последнего Бэр считал закономерным в ходе космической эволюции материи:

«...Душевная жизнь человека начинает проявлять свою мощь, покорять материю, господствовать над стихиями, превращать все живое в своих рабов,... с изобретением книгопечатания она собирает все духовное достояние в одно единое целое. Таким образом, вся земля является только пашней, на которой произрастает духовное начало человека, и вся история природы является только историей идущей вперед победы духа над материей» (С. 120).

Среди других выдающихся ученых – сторонников такого подхода к роли человека, назову имена В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Н.Н. Моисеева. Так, В.И. Вернадский (1863-1945) развивал идею о космической роли человечества. В его трудах возникновение сознания было представлено как закономерный результат прогрессивной эволюции, а появление человека как важнейшее событие в геологической истории Земли. Заселив всю планету, человек постепенно изменил ее живое вещество в соответствии со своими целями. Одновременно с теорией живой материи Вернадский разрабатывал учение о ноосфере – сфере разума, геологическую роль человека в которой он считал ведущей (11). Он был убежден в том, что понимание мира зависит от понимания природы человека:

«Напрасно стал бы человек пытаться научно строить мир, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от его природы понимание мира. Эта задача ему не по силам; она является и по существу иллюзией и может быть сравнена с классическими примерами таких иллюзий, как искание perpetuum mobile, философского камня, квадратуры круга. Наука не существует помимо человека и есть его создание, как его созда-

нием является слово, без которого не может быть науки. Находясь в правильности и законности в окружающем его мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму. В научно выраженной истине всегда есть отражение – может быть, чрезвычайно большое – духовной личности человека, его разума.

Натуралист-эмпирик всегда должен с этим считаться; для него, с его методами искания истины, другой мир, не связанный с отражением человеческого разума, если даже он существует, недоступен. В философии в связи с этим натуралист неизбежно является реалистом, для него его научная картина мира есть нечто реально существующее.

Он может допускать возможность того, что такое отражение человеческого разума, а, следовательно, и человеческой личности, в научно построенном мире вообще не является случайностью; и уже неизбежно не является случайностью большая доступность для его научного творчества более близких к источнику разума природных явлений, каковыми являются все явления, связанные с жизнью человека. Всегда науки о человеке ближе к нему придвинуты; человеческая личность может в них проникать глубже, чем в научные дисциплины, изучающие Космос.

Изменение, происходящее в этой части картины мира, поэтому еще глубже и сильнее отражается на человеческой жизни» (12, с. 13).

Следующая концепция, в которой человек является неотъемлемой частью космологической эволюции, была создана французским теологом и антропологом П. Тейяром де Шарденом (1881-1955). Согласно его суждениям, Вселенная в начальном состоянии состоит из особых частиц, каждая из которых обладает как материальным, так и духовным аспектами. Эволюция Вселенной рассматривается как направленное усложнение исходной структуры. При объединении частиц происходит соединение их духовных аспектов, в результате чего возникает психика и появляется человек. Дальнейшее развитие мира связано с интеграцией отдельных индивидуумов, и как следствие появляется новая, более

совершенная, чем отдельный человек, единица, которая осознает сам принцип эволюции. После этого эволюция управляется сверхчеловеческим сознанием и завершается в точке «Омега», где Вселенная превращается в единое гуманное и разумное существо. В нем когда-нибудь соединятся отделившиеся от Земли души умерших людей (13).

Концепция В.И. Вернадского получила развитие в трудах Н.Н. Моисеева (1917-2000) (14).

«Я представляю себе, – пишет Н.Н. Моисеев, – сколь ограничены наши знания, и всякий раз, когда это необходимо, подчеркиваю границы неведомого. Больше всего мне хотелось бы добиться того, чтобы ... читатель почувствовал, что все в Природе – и неживое вещество (косная материя, по терминологии В.И. Вернадского), и мир живого, и общество – являются элементами некой единой системы и в своем развитии подчиняются некой общей логике, которую я однажды назвал универсальным эволюционизмом!» (С. 12).

В результате такого развития возникает новая форма самоорганизации материи – человеческое общество. Согласно Моисееву, Вселенную также можно рассматривать как гигантскую самоорганизующуюся систему, высшей стадией эволюции которой является возникновение Разума. Благодаря последнему Вселенная обретает способность познавать себя и направлять свое развитие, ослабляя дестабилизирующие факторы. В этом Моисеев видит космическую роль человечества.

Теперь предоставлю слово Владимиру Лефевру, его цитата заведомо интересней пересказа.

«Достаточно вспомнить, – пишет автор, – потрясающую по своей поэтической силе космологическую концепцию Н.Ф. Федорова (1829-1903). Будучи глубоко верующим христианином, он соединил в своей схеме мира веру в неминуемое воскрешение мертвых с технологическим прогрессом. С его точки зрения, задача воскресить мертвых возложена Богом на человека, а технология – это тот инструмент, с помощью которого человечество обязано реализовать свое предназначение. В этом состоит высший

смысл познания природы, и только это оправдывает неудержимое индустриальное развитие. Однако решение проблемы воскрешения мертвых с неизбежностью требует космической экспансии, поскольку на Земле не хватает места для всех когда-либо существовавших людей.

Н.Ф. Федоров призывал приступить к решению этой задачи немедленно. Его идеи оказали глубокое влияние на русскую интеллигенцию рубежа XIX и XX веков. Но наиболее существенным оказалось влияние Федорова на К.Э.Циолковского (1857-1935). Идеи Федорова были воплощены Циолковским в конкретные инженерные решения, которые в свою очередь, легли в основу советской космической программы. Мы видим, таким образом, что идеи мудреца-мистика оказались исходным детонатором, приведшим к сегодняшнему освоению космоса. Концепция Федорова, видимо, связана с глубокими архетипическими пластами нашего сознания» (2, с.15).

Добавлю к сказанному В.А.Лефевром, что Николай Федорович Федоров более двадцати лет работал библиотекарем Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека). Среди его постоянных собеседников, помимо К.Э.Циолковского, были Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев, Л.О.Пастернак и многие другие. Книга, служению которой он себя посвятил, была для него соединяющим звеном между бывшим и настоящим. В статье «Уважал или презирал книгу 19 век?» он писал:

*«Книга как выражение слова, мысли и знания занимает высшее место среди памятников прошедшего; должна она занимать его и в будущем, которое призвано стать делом возвращения прошедших поколений к жизни, и лишь тогда книга с этого первого места снизойдет на последнее, когда то, что было лишь в книге, то есть только в мысли и голове, станет живым делом человечества» (15) *.*

* О Н.Ф. Федорове сейчас много читают и пишут. И едва ли не каждый автор упоминает В. Маяковского как поэтического выразителя его главной философской идеи. См., напр., отрывки из книги Ю.А. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (М., 1990. С. 154-159).

Итак, если мы хотим включить книгу в процессы мироздания, надо стремиться к построению таких концепций, в которых и человек, и книга выступили бы как проявления некоторой единой конструкции. Другими словами, универсум в такой конструкции должен быть похож на тот мир, который *мы* наблюдаем. В нем необходимо предусмотреть место, чтобы содержать в себе возможность существования двух субъектов – человека и книги. Тогда мы сможем объяснить и предсказать события, проявляющие себя в конкретном существовании, поскольку, полагает В. Лефевр, *«сегодня единственные известные нам космические субъекты – это мы сами»*. И далее заключает: *«Если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение – это борьба с тепловой смертью»* (2, с. 19, 155).

В качестве возможных подходов к построению конструкции мира, который мы наблюдаем, я предлагаю воспользоваться концепцией Карла Поппера (1902-1994) «Объективное знание», т.е. идеей мира, где сосредоточены *знания без субъекта знания* (16). Мир объективного знания представляет собой теории, опубликованные в журналах и книгах, которые хранятся в библиотеках; а также обсуждение этих теорий, трудности или проблемы их применения. Собственно объективное знание – это мир логического содержания книг, библиотек, компьютерной памяти и т.п. Мир объективного знания, считает Поппер, автономен, в нем мы можем делать теоретические открытия подобно тому, как делаем географические открытия в физическом мире.

Мир объективного знания дает нам возможность открыть новые проблемы, которые там были до того, как мы их открыли, и до того, как они были нами осознаны, т.е. до того, как что-либо соответствующее им появилось в нашем сознании. Этот тезис К. Поппера представляется мне ключевым. Он в разных вариантах уже получил отражение в литературе (17). В статье философа М.А. Розова есть такое признание:

«...Современный человек – это продукт книгопечатания, продукт особой книжной культуры. Типография не только издает фолиант за фолиантом, она формирует и современного человека.

Только благодаря книге мы несем в себе множество других жизней, только благодаря ей наша духовная биография теряет связь с конкретными датами рождения и смерти. Но это накладывает на нас и дополнительную ответственность, ответственность перед людьми, которые вложили в нас свои «души». Они должны стать частью нашей собственной «души», мы должны относиться к ним столь же бережно, как к фактам и перипетиям собственной судьбы» (18, с. 210).

Я привел лишь некоторые аргументы в пользу актуальности темы «человек и книга как космические субъекты». Можно соглашаться или не соглашаться с В. Вернадским, П. Тейяром де Шарденом, Н. Моисеевым, В. Лефевром, К. Поппером, но игнорировать их концепции уже нельзя*.

За пределами книжного мира («третьего мира», по К. Попперу), где обитают знания без субъекта знания, мы получим не абсолютно пустое пространство – мы получим Хаос. Значит, книги – это какая-то сила? Значит книги своим воздействием, своим присутствием создают Вселенную знания.

Благодаря книгам мы живем, видим наш прекрасный мир и не ведаем, что где-то есть Хаос, есть незнание... Хаос существует вне «третьего мира», там, где ничего больше нет. Наша Вселенная – это оазис внутри совершенно безжизненной пустыни, это остров, окруженный Хаосом.

В «третьем мире» встречаются пустынные места. Они отделяют нас друг от друга. Но это пустыня, которая может быть покрыта знаниями, она не Хаос. Как это ни покажется странным, но края у мира знаний нет, в том смысле, в котором мы привыкли представлять себе край. Мир знаний, Универсум знаний, Вселенная знаний, следуя законам физики, постепенно и непрерывно расширяется и движется по направлению к Хаосу. Космос есть порядок. Хаос – беспорядок. Создавая в Космосе равновесие и гармонию, книги противостоят Хаосу! Конечно, одних только

* Я бы к перечню имен этих ученых добавил и Чарльза Дарвина (1809-1882), размышлявшего в своих работах о возможности естественного отбора через искусственный (21).

книг для понимания себя не может быть достаточно. Надо ощутить себя необходимой частью мира и увидеть себя в нем через других людей. Но стремление в Космос непреодолимо, и психологически оно порождается желанием увидеть себя другими глазами. Человечество стремится обнаружить Иной Разум. Оно родилось, говоря словами К. Маркса, *«без зеркала в руках»* (19). И всегда будет его искать.

Итак, что же такое книга? Драгоценный дар природы, дар Вселенной или книга возникла из практической необходимости запечатлеть сделанное или открытое человеком? И как, с какой целью этот дар Вселенной может быть использован человеком? Во благо его развития и выполнения предписанной ему космической миссии или вопреки? Очень непростой вопрос.

Например, в книге французского писателя Жака Бержье «ПрУклятые книги» (20) описана драматическая судьба ряда рукописей и книг с древнейших времен до наших дней – в частности, «Книги Тота», «Стансов Цзяна», «Экскалибура», рукописи русского ученого М.М.Филиппова (1858-1903) и некоторых других. Все эти творения человеческого разума тем или иным способом уничтожались. И причина такого явления, к которому автор относит и уничтожение Александрийской библиотеки, видится ему в одном: содержание этих книг угрожало существованию человеческой цивилизации.

«Мне кажется, – пишет в эпилоге Жак Бержье, – что если до нашей цивилизации существовали другие и их погубило злоупотребление наукой и техникой, воспоминание об этих цивилизациях и об их гибели вполне может вдохновить на организацию заговора с целью помешать повторению подобных катастроф» (С. 137).

...Я полагаю, что книга есть субъект, сотворенный человеком, его «вторая природа». Перефразируя В.И. Вернадского, можно сказать, что книга *«...выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа»*, она есть *«воспроизведение основных черт сущего – космоса»* (22, с.121). Проходя через сознание, через космос живого существа, знание объективируется в книге, то есть уже в отчужденном (другом) космическом субъекте.

Книга как космический субъект – это книжное подтверждение учения К. Бэра, В.И. Вернадского и других об эволюции происхождения человека. Один космический субъект сотворил другого. В основе этого сотворения и заложен постоянный конфликт, противоречие между знаниями познающего субъекта и субъекта, содержащего отраженные знания. Вечный конфликт! * В поисках путей его разрешения мы обращаемся к творчеству выдающихся профессионалов.

Современное книговедение утверждает, что книга помимо человека существовать не может, и оно утверждает это потому, что до сих пор никто не обнаружил в природе других явлений (кроме социальных) книжной структуры. Понять, познать сущность книги нельзя, не поняв человека, работающего с ней.

Работа библиографа, например, сродни работе философа. Он размышляет над проблемами, которые не имеют однозначного решения. Он вытягивает из знания, воплощенного в книге, все новые и новые нити для *своего* ковра, заведомо зная, что их никогда не будет достаточно. Странное, на непосвященный взгляд, занятие... Но, вплетая нити в ковер мира знаний, библиограф сохраняет и расширяет его, не давая ему быть поглощенным Хаосом, царящим за его пределами. Он без устали заботится о том, чтобы пространство мира знаний было доступным, проходимым и обитаемым, выступая в роли проводника и посредника.

Оценивая богатства библиотек, К. Саган приводит следующие доказательства:

* Нечто подобное я обнаружил в воспоминаниях Святослава Рихтера: «Человек и рояль – неразрешимый конфликт. Шекспировский!.. Адская машина с акульными челюстями! Эта крышка напоминает мне обезглавленную птицу. А в ней отражается твоя физиономия или, что еще хуже, какой-нибудь любитель музыки. Сюда очень подходит пушкинское выражение: «и всех вас гроб зевая ждет». Зевающий гроб – это про рояль, когда я не хочу на нем заниматься. Струны – это вынутые человеческие жилы. А ножки? Кажется, что сейчас отвалятся и придавят вам колена... Это «двойной портрет» – человек и рояль. По другую сторону – ранимая человеческая душа» (23).

«Крупнейшие библиотеки мира содержат миллионы томов, что соответствует 10^{14} битам информации, заключенной в словах, и примерно 10^{15} битам – в иллюстрациях. Это в десять тысяч раз больше той информации, что содержится в наших генах, и примерно в десять раз больше объема информации, хранимой в нашем мозгу. Если я буду читать по одной книге в неделю, то за всю жизнь смогу осилить лишь несколько тысяч томов – десятую долю процента содержимого величайших библиотек нашего времени. Фокус в том, чтобы знать, с какими книгами стоит познакомиться. Книжная информация не запрограммирована от рождения, но постоянно изменяется, отслеживая события и адаптируясь к происходящему в мире» (5, с. 411).

Книжник, таким образом, должен обладать особым талантом, особым искусством выбора нужных книг. Но таланта и искусства оказывается недостаточно. Нужна еще основательная книговедческая подготовка. И здесь наука у искусства в долгу.

Одна из причин отсутствия в последнее время конструктивных книговедческих и библиографических теорий видится мне в следующем. Современные исследователи работают не с библиографическими и книговедческими *идеями*, а с научными понятиями и терминами (такими, как «система», «деятельность», «моделирование», «документ» и т.д.). По этому пути в направлениях поиска соответствующих теорий движется большинство ученых. В результате создаются понятийные концепции науки. В библиографии, например, их уже около четырехсот. Такой подход построения научной теории изначально обречен на неудачу. Я убежден, что книговедение может успешно развиваться в том случае, если опирается на книговедческие теории и книговедческие понятия. Теория не может строиться только на основе научных терминов, хотя и обязана их использовать. К понятийному аппарату нельзя относиться так, как будто он существует реально. Другими словами, исследуя научные понятия, даже если они и описывают книговедческие или библиографические явления, невозможно продвигнуться к построению конструктивной теории.

Приведу в качестве иллюстрации такой пример. Давайте срав-

ним книговедение, библиографоведение, библиотековедение с деревом. За молодым деревом, как известно, нужно ухаживать и бережно к нему относиться, хотя еще и не знаешь, будет ли оно приносить плоды или нет. Но если за деревом книговедения и библиографоведения на понятийном уровне ухаживают уже более тридцати лет, а плодов реальных еще нет, то следует честно сказать, что посаженное исследователями дерево декоративное и растет исключительно для экзотики...

Подведем итоги и сформулируем некоторые основные идеи «теории книжного мира».

1. Книга есть космический субъект.
2. Мир книг (знаний) существует объективно в пространстве и во времени; он постоянно пополняется.
3. Книжному миру противостоит Хаос (книжный мир окружен Хаосом).
4. Библиография представляет собой путеводитель по миру знаний.
5. Библиографическое разыскание и отбор – основной метод получения нового (свернутого) знания в книжном мире.

Традиционно книговедение концентрируется вокруг мира объективного знания или вокруг «третьего мира». Изучая «третий мир», как подчеркивает К. Поппер, можно понять и другие миры (1 – мир физических объектов или физических состояний; 2 – мир состояний сознания или мыслительных (ментальных) состояний и предрасположений), но не наоборот (16).

После сказанного мой главный тезис становится похожим на тривиальное суждение: книга как космический субъект осуществляет коммуникацию; благодаря библиографии передается информация тем, кто участвует в процессе коммуникации. Следовательно, задача книговедения как науки состоит в том, чтобы предложить процедуру, с помощью которой библиограф и библиотекарь, владеющий необходимыми знаниями, может приступить к разысканию и отбору информации, содержащейся в книжном мире. Но не будем спешить с такими выводами и вот почему.

Предлагая новые идеи построения теории, мы пытаемся глубже

уяснить процесс, посредством которого люди передают друг другу информацию в виде системы кодированных средств. Здесь нет мелочей. Любая мелкая деталь имеет значение. Полученная из разных источников информация воспринимается нами как *единое* сообщение. Это сообщение, на передачу которого требуется время, обладает единством. С одной стороны, конец подразумевается началом, а с другой – начало предполагает конец. По этой причине книга и библиография для читателя выступают инструментом уничтожения времени, прошлое сжато до точки, существует только настоящее.

Далее, книга как космический субъект представляет собой акт коммуникации с человеком, присутствие которого отложено. Следовательно, она не только предмет и средство коммуникации, но и *мировоззрение*. В мировоззрении книга предстает как рефлексивная пауза и показывает недостаточность нашего представления о человеке в каждый конкретный момент.

Мне представляется, что такая интерпретация побуждает исследователя к новым методологическим поискам. Тема «книга как космический субъект» имеет больше общего с романом, чем с научным трудом. Как книжники мы вынуждены примириться с уже признанным фактом, что в романе персонажи воспроизводят те или иные аспекты личности автора. Стремясь к объективности, аналогичным способом, «по-своему» действует и библиограф. Да и как может быть иначе?

...Вторая встреча с Апокалипсисом А. Дюрера состоялась в мае 2006 года уже в Санкт-Петербурге на Невском книжном форуме. На стенде издательства «Альфарет» я увидел факсимильный альбом гравюр, где под номером девять вновь предстал святой Иоанн Богослов, поедающий книгу... Остается повторить вслед за А.С. Пушкиным *«Бывают странные сближения»*.

Литература

1. **Андрей архиеп. Кесарии Каппадокийской.** Толкование на Апокалипсис. М.: (П.Н.Шарапов), 1884. – 239 с.
2. **Левевр В. А.** Космический субъект. М. : Ин-квартио, 1996. – 183 с.

3. **Набоков В.** Ultima Thule : рассказ // Аврора. – 1988. – № 6. – С.100–118.
4. **Пятигорский А. М.** Философия литературы // Избр. тр. – М., 1996. – С. 232–236.
5. Саган К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / (пер. с англ. А. Сергеева). – СПб. : Амфора, 2005. – 523 с.
6. **Жинкин Н. И.** Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982. – 152 с.
7. **Полонников Р. И.** Основные концепции общей теории информации / отв. ред. Р.М. Юсупов; Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т информатики и автоматизации. – СПб. : Наука, 2006. – 203 с.
8. **Свифт Дж.** Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей : (роман) / (пер. А. Франковского). – СПб. : ТОО «Инапресс» : Новое лит. обозрение, 1993. – 653 с.
9. **Козлова М. С.** Концептуальные подходы к эволюции человека. – М. : МАКС Пресс, 2001. – 52 с.
10. **Бэр К. Э.** Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии // Избр. работы / пер., предисл. и прим. Ю.А. Филипченко. – Л., 1924. – С. 91–122.
11. **Вернадский В. И.** Размышления натуралиста. Кн. 2. – М. : Наука, 1977. – 191 с.
12. **Вернадский В. И.** Мысли о современном значении истории знаний: доклад, прочитанный в I заседании Комиссии по истории знаний, 14.XI.26. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927. – 17 с. (Труды комиссии по истории знаний ; Вып. 1).
13. **Тейяр де Шарден П.** Феномен человек. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 231 с.
14. **Моисеев Н. Н.** Универсум. Информация. Общество. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 199 с.
15. **Семенова С. Г.** «Человек изумительный, редкий, исключительный»: Н.Ф. Федоров (1829-1903); Федоров, Н.Ф. Библиография: Знание популярное, энциклопедическое, мнимое, и знание действительное; переход от мнимого знания к знанию действительному ; Труды Н.Ф. Федорова и литература о нем / сост. Л.М.Кулаева // Сов. библиогр. – 1990. – № 6. – С. 59–68.
16. **Поппер К. Р.** Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г.Лахути ; отв. ред. В.Н. Садовский. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 381 с.

17. См., напр.: **Мамардашвили М. К.** Психологическая топология пути: М.Пруст «В поисках утраченного времени». – СПб., 1997. – С.44.
18. **Розов М. А.** Книга и этика // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000. – С.195-211.
19. **Маркс К.** Капитал. Маркс К., Энгельс Ф. Критика политической экономии // Сочинения : В 30 т. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23, кн. 1. – С. 62.
20. **Бержье Жак.** Проклятые книги = Les livres maudits / пер. с фр. А. Васильковой. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. – 142 с.
21. **Дарвин Ч. Р.** Очерк 1842 года // Дарвин, Ч.Р. Происхождение видов путем естественного отбора / под ред. проф. А.Д.Некрасова. – М.; Л., 1939. – С.81-111.
22. **Вернадский В. И.** Начало и вечность жизни // Вернадский В.И. Избр. соч. : В 6 т. – М., 1960. Т.5. – С. 120–142.
23. **Борисов Ю. А.** По направлению к Рихтеру. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – С. 32–33.